

Жак Мадоль

Альбигойская драма и судьбы Франции

LitPortal

«Жак Мадоль. Альбигойская драма и судьбы Франции»: Евразия; 2000
ISBN 5-8071-0037-9

Аннотация

Книга Ж. Мадоля посвящена родному из интереснейших периодов мировой истории — альбигойскому крестовому походу и присоединению Лангедока к Французскому королевству (1209-1249), событиям, которые знаменуют собой начало эпохи консолидации французского национального государства.

Книга написана живым, образным языком и рассчитана не только на историков профессионалов, но и на широкий круг читателей.

Жан МАДОЛЬ

АЛЬБИГОЙСКАЯ ДРАМА И СУДЬБЫ ФРАНЦИИ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга Ж. Мадоля посвящена одному из периодов истории Франции, и, без сомнения, она будет полезна и интересна не только тем, кто интересуется европейской историей, но и позволит многое понять в развитии Руси XIII в. Казалось бы, ее предмет — еретическое движение, охватившее всю южную Европу, — бесконечно далек от Руси, но это не так. Действительно, именно в XIII в. возникает пропасть, отделившая православную Русь от католической Европы. Немалую роль в этом действительно сыграл Александр Невский (ум. 1262 г.), но объяснение его позиции кроется именно в событиях первой половины XIII в.

Раскол мировой христианской церкви на православную и католическую окончательно оформился в 1054 г., но в умы и сердца осознание этого факта проникло гораздо позже. Игумен Даниил, путешествовавший в Палестину в начале XII в., ничего шюхого не пишет о иерусалимском короле Бодуэне Бульонском или о крестоносцах. Южнорусская летопись искренне скорбит о взятии турками Иерусалима, а погибшие в 1190 г. крестоносцы прямо названы «святыми мучениками» (ПСРЛ. Т. 2. Ст. 667-668). Автор «Слова о полку Игореве» (до 1205 г.) прекрасно осведомлен, что Ярослав Галицкий (1152-1187) посылал своих воинов

в крестоносное ополчение.

Настоящий удар по романтическому отношению к отвоеванию Святой земли нанес IV крестовый поход, закончившийся захватом Контантино-поля. Свидетелями этого были русские купцы и паломники, первые известия об этом событии пришли на Русь еще в конце 1204 г., а вскоре появляется подробное описание взятия города. Характерно, что обе эти записи относятся к Новгороду (Новгородская летопись старшего и младшего извода), теснее всего связанному с Западом, в частности, с Германией. Захват произошел вопреки воле папы Иннокентия III. Рядовые люди могли этого не знать, но князья должны были вскоре получить исчерпывающую информацию, и это не могло не повредить престижу Святого престола.

И это было еще не все. В 1199 г. тем же Иннокентием III был образован Тевтонский орден, а в 1202 г. возник орден Меченосцев. И тот и другой ставили своей целью защиту католических Германии и Польши от славянских и прибалтийских язычников. Но очень скоро польские князья, собственно и пригласившие Тевтонский орден, столкнулись с его крайней агрессивностью. Распространение христианства отошло на второй план, а во главу угла стал захват территорий. На страницах книги Мадоля читатель найдет волнующие описания аналогичных событий в Окситании. Все же южане были ближе северянам-французам, чем славяне-поляки немцам; стоит ли удивляться тому, что цели ордена» так скоро были забыты на Балтийском побережье. Результат не замедлил явиться: в 1236 г. соединенные силы литовских язычников и русских христиан наголову разбили меченосцев под Шяуляем. В следующем году орден был слит с Тевтонским.

В 1241 г. орден попытался захватить Псков под набившим оскомину предлогом защиты прав законного князя Владимира; чем кончалась подобная защита, можно было легко представить — в 1204 г. крестоносцы тоже поначалу защищали права законного императора из дома Комнинов.

Следующая фаза отношений Руси и папства начинается с татаро-монгольским нашествием 1239-1243 гг. Для Европы гибель «русских королевств» была символом грядущего конца света. Монахи и епископы из разломленной Южной Руси бродили по миру вплоть до Англии, сея ужас рассказами о грядущем Апокалипсисе. На фоне все ухудшающегося положения в Палестине нашествие восточных орд на христианские страны вплоть до Польши и Венгрии включительно казалось предвестником грядущего конца.

В 1246 г. папа Иннокентий IV, тоже один из героев публикуемой книги, посылает посольство в столицу империи монголов, в далекий Каракорум, где сидит хан Гуюк, внук Чингис-хана. Папой движет желание больше узнать об этом грозном язычнике. Возникает идея, нельзя ли попытаться обратить его в христианскую веру.

На пути посольство стало невольным свидетелем борьбы между русскими князьями, теперь вассалами хана улуса Джучи Бату. Бату номинально подчинялся своему младшему двоюродному брату Гуюку, но на самом деле трения между кузенами возникли еще во время осады Киева в 1241 г. Тогда в Каракоруме умер отец Гуюка, и тот спешно выехал во Внутреннюю Монголию.

В 1246 г. папский посол Плано Карпини стал свидетелем гибели черниговского князя Михаила, казненного по наговору Ярослава Всеволодовича, князя Владимирского, только что утвержденного ханским ярлыком на вождельном великом киевском столе. Однако и сам Ярослав пал жертвой династической борьбы в доме Чингиса. Он должен был отправиться в Каракорум, где мать Гуюка отравила его на пиру. Стоит обратить внимание на то, что в открытую расправиться с самым мощным вассалом Бату в ставке Гуюка не посмели.

Иннокентий IV старается завязать отношения с литовскими князьями, а особенно с галицким князем Даниилом и его родным братом Владимиром Волынским. Оба князя получают от папы пышные титулы королей, что должно было защитить их от посягательств западных соседей и сосредоточить всецело на борьбе с татарами. В 1251 г. крестится и тоже получает королевскую корону князь Мин-даугас Литовский.

По сути дела речь идет о том, признавать себя русским князьям, все равно уже

потерявшим самостоятельность, вассалами Орды или вассалами папы. С точки зрения интересов христианства следовало сделать второе, но действия западных «христианских» сеньоров сводили на нет все усилия папы.

В 1252 г. Александр Невский, утвержденный Бату и Гуюком на великокняжеском гшестоле в Киеве, продолжал жить в Новгороде. Во Владимире сидел его младший брат Андрей. К этому моменту явственно складывается пропапская партия, в которую входят Даниил с братом и Андрей, который женился на дочери Даниила. Судя по всему, резко против этого союза выступал тогдашний печатник (канцлер) Даниила и митрополит Кирилл. Едва ли можно оправдать то, что Александр инспирировал поход татар на своих младших братьев, Андрея Владимирского и Ярослава Тверского. Но несомненно одно: союз с папой не мог принести ничего, кроме неприятностей. В 1215 г. Иннокентий III не смог защитить Раймона Тулузского, в 1216 г. вопреки его запрещению принц Людовик вторгается в Англию; если такое творилось посреди Европы, на что могла надеяться дальняя окраина?

Андрей был изгнан, Александр стал еще и князем Владимирским. Кирилл не возвращался в Киев вплоть до смерти Даниила, но сам князь вскоре охладел к Святому престолу, убедившись в несостоятельности своих надежд. Новый папа Александр III (1254-1261) постоянно пытался завязать отношения с Александром. Об этом говорят не только документы папского архива, но и упоминания русских летописей. На фоне непрерывных атак ордена на западные границы Руси это выглядело довольно жалко.

Самый тяжелый удар получил Миндаугас — в 1263 г. орденские войска вторглись на его земли, несмотря на запрещение папы Урбана IV (1261-1264). Результатом этого было отодвинутое на сто лет крещение Литвы. Да и тогда католичество с большим трудом состязалось на этих землях с православием.

Как пишет Мадоль, не стоит пытаться представить, каким бы могло быть положение, если бы папский престол вел себя иначе. Иное поведение было невозможно в эпоху, когда все решала реальная военная сила, а этой силой двигали распри и желание приобрести новые территории. Духовный авторитет пап, пытавшихся на равных участвовать в этой борьбе, был полностью уничтожен, что и выразилось в знаменитом Авиньонском пленении. Впрочем, выбор Александра тоже не был лучшим: после его смерти его сыновья погрязли в собственных и внутриордынских распрах, разоряя страну постоянной междоусобицей.

Прочитав эту книгу, читатель лучше представит себе XIII век во всем многообразии его трагедий, сотрясавших Европу от края до края.

Кандидат исторических наук Н. И. Милютенко

ВВЕДЕНИЕ

Об альбигойском крестовом походе и катаризме написано много; об инквизиции, победившей катаров, также. Сколько-нибудь значительная библиография по одному из этих трех вопросов заняла бы бессчетное количество страниц. Однако, если основные факты достаточно хорошо известны, то многие детали пока покрыты мраком, который все еще не рассеялся, а к исследованиям примешиваются страсти. В качестве доказательства приведу лишь работу Пьера Бельперрона 1942 г. «Крестовый поход против альбигойцев и присоединение Лангедока к Франции (1209-1249)»¹ Прежде всего нужно воздать должное объему и достоверности информации. Бельперрон был не только издателем, он был историком, который умел работать. Он с полным основанием полагал, что надо наконец отреагировать на романтический рассказ Наполеона Пейра², доставлявший наслаждение

¹ См. Список литературы.

² Peyrat Napoleon. Histoire des Albigeois. Les Albigeois et l'Inquisition. Paris. 1870-1872. 3 vol. Peyrat Napoleon. Histoire des Albigeois. La Civilisation Romane. Paris. 1880-1882. 2 vol. Пейра, Наполеон (р. в 1809) — французский писатель и историк, протестант, пастор реформатской церкви в Сен-Жермен-ан-Ле. Автор многих

нашим дедам. Протестантский пастор, ученик Мгапле ³, тот взял многое от пламенной природы своего учителя. Он страдал с гонимыми катарами, как если бы они были его отцами по вере. Он видел в римской церкви Зверя Апокалипсиса, бесстыдно восседающего на водах и попирающего правосудие и истину. Он давал аргументы антиклерикалам Юга, полагавшим, что они должны отомстить церкви за давнее оскорбление. Жорес и Комб ⁴, лангедокцы, тоже были знакомы с книгой Наполеона Пейра.

Однако когда слишком страстно борются за правду, случается, что ее искажают. Пейра наивно верил во все, что включил в свой труд, и с тем же простодушием отбрасывал остальное. Он стоял у истоков долгой традиции, вскормившей много душ, но большей частью постным мясом. Беллетрист вроде Мориса Магра ⁵ волен принимать всерьез легенду об Эскармонде де Фуа; но серьезный историк обязан вернуть этой личности ее истинное значение. На самом деле мы немного знаем об этой знаменитой женщине. Возможно, легенда о ней содержит некоторые достоверные факты, но никаких доказательств этого нет. Мы должны смириться с тем, что плохо представляем себе человеческий облик глав катарского движения. В большой степени в этом вина инквизиторов, которые мало интересовались человеческой сущностью своих жертв, иначе у них не хватило бы духу послать их на костер. Но это и благородная вина самих катаров, не придававших никакого значения своей смертной оболочке.

Можно было бы заполнить эти белые пятна при помощи воображения, но тогда незачем писать исторические труды. Историю после Наполеона Пейра следовало переписать, что и сделал Пьер Бельперрон. Но если историк не должен быть легковверным, то он все же должен испытывать хоть немного сочувствия к тем, о ком он рассказывает, иначе он рискует совсем их не понять, у Бельперрона же не было ни малейшей симпатии ни к катарам, ни к южанам, о несчастьях которых он повествует. Он писал в то время, когда Франция была растоптана нацистами, а правительство Виши ⁶ утверждало, что поражение было для доверившегося ему народа справедливой и необходимой карой. Так думает и Бельперрон об Окситании ⁷ начала XIII в. Победы де Монфора и французских королей просто свидетельствовали о моральном превосходстве северных французов над южными. В конце концов победили наилучшие. Кроме того, поскольку в этих жестоких событиях рождалось французское единство, цель, казалось, оправдывала средства, и в конечном счете следовало радоваться уничтожению культуры, приносившей прекрасные плоды.

Столь пристрастная история требовала ответа. Его взяла на себя Зоя Ольденбург. В

исторических трудов.

³ Мишле, Жюль (1798-1874) — французский историк романтического направления, республиканец и антиклерикал. Крупнейшие его труды — многотомная «История Франции» и «История французской революции».

⁴ См. прим. на с. 270-271.

⁵ Магр, Морис (р. в 1877) — французский литератор, поэт, писатель и драматург. В частности, автор романов «Кровь Тулузы. Альбигойская история XIII века» (Париж, 1931) и «Сокровище альбигойцев» (Париж, 1938).

⁶ Правительство Виши стояло во главе Франции во время второй мировой войны. Подписало капитуляцию перед Германией. На Юге Франции была создана зона марионеточного правительства маршала Петена со столицей в Виши.

⁷ Окончания — страна языка «ок», область, где говорили на диалектах старопровансальского языка. Аквитания (Гиень), Гасконь, Наварра, Лимузен, Прованс, Альбигуа и др. Родственным был старокаталонский язык. Северная Франция — это страна языка «ойль» (различались по произношению слова «да»).

1959 г. в «Костре Монсепора»⁸ Бельперрон получил отповедь, которой заслуживал; к красивому названию обязывал характер серии, начало которой положила книга⁹. Зоя Ольденбург по сути дела заново рассказала об этих трагических событиях. Она вложила в книгу все сочувствие, недостающее ее предшественнику, одновременно избежав фантазий Наполеона Пейра. Ее история точна, но она также и правдива той особой правдой, куда более глубокой, нежели формальная точность, которая дорожит именно сочувственным пониманием предмета. Думаю, г-же Ольденбург долго нечего было противопоставить, даже когда некоторые мелочные критики и находили в ее книге кое-какие неточности. Их допускают все, и было бы странно, если бы их не оказалось в такой важной работе.

Годом позднее в Барселоне на каталонском языке появилась еще одна серьезная книга, и можно только пожелать, чтобы ее перевели на наш язык: Жорди Вентура «Педро Католик и Симон де Мон-фор»¹⁰. Для Юга роль короля Педро Арагонского¹¹, убитого под стенами Мюре в 1213 г., известна. Видный каталонский историк задался вопросом: почему человек, ортодоксальность которого всегда была бесспорной, человек, считавший самого себя вассалом Святого престола, мог вступить в открытую борьбу с Симоном де Монфором и северными крестоносцами? Совершенно очевидно, что это произошло не по религиозным мотивам. Разве не упрекал Педро Арагонский своего вассала Пьера-Роже Транкавельского¹², виконта Безье и Каркассо-на, что тот оказался в подобном затруднении «из-за безрассудных людей и их безумной веры»?

Итак, мотивы Педро Арагонского были политическими. Его род правил в Провансе, он держал Монпелье и множество сеньорий на север от Пиренеев, его вассалами были Транкавели, для Педро речь шла о создании окситано-каталонского государства по обе стороны Пиренеев, от Эбро до Ниццы. Два препятствия стояли на пути: прежде всего французский король, суверенитет которого теоретически простирался вплоть до Пиренеев на все страны языка «ок»; затем — граф Тулузский, также желавший править суверенным государством. Сложность ситуации заключалась не только в соперничестве Тулузы и Парижа, но также Тулузы и Барселоны¹³. Жорди Вентура, не испытывающий никакой особой симпатии к катарам, но сожалеющий, что окситано-каталонское государство не было создано, написал книгу живую и хо рошо документированную, и она была мне хорошим подспорьем.

На следующих страницах не будет ни новой истории крестового похода против альбигойцев, ни истории сопровождавшей его инквизиции. В работе Жана Гиро¹⁴, к

⁸ См. Список литературы.

⁹ «Folio/Histoire».

¹⁰ См. Список литературы.

¹¹ См. прим. на с. 37.

¹² См. прим. на с. 111.

¹³ Графство Барселонское входило в Испанскую марку Карла Великого. После смерти императора Людовика Благочестивого (814-840) вошло в королевство его младшего сына Карла Лысого (823-877, король западных франков с 840, император с 875 г.). В 1109 г. граф Раймон Беренгьер женился на Дуче Прованской, дочери последней графини Герберги. В 1134 г. его сын Раймон Беренгьер женился на Петронилле, дочери короля Арагона Ра-миро Монаха, и Прованс оказался соединен с Арагонским королевством. Формально Каталония (графство Барселонское) находилось в вассальной зависимости от Франции вплоть до XVIII в.

¹⁴ См. Список литературы.

сожалению, незаконченной, и в совсем недавнем труде каноника Анри Мезон-нева ¹⁵ о последней сказано самое главное. Приверженцы катаров, называющие себя неокатарами и пишущие в «Ученых записках о катарах» («Cahiers d'Etudes Cathares»), Деодат Роше и некоторое другие писатели, среди которых в первую очередь следует назвать Рене Нелли, с определенной резкостью упрекают Жана Гиро в том, что он описал катаризм главным образом по протоколам инквизиции. Это правда; но протоколы — ценный источник и часто единственный, имеющийся в нашем распоряжении. Во всяком случае, можно утверждать, что Жану Гиро, тоже уроженцу Лангедока, хотя и пламенному католику (разве не был он главным редактором «Круа» ¹⁶ ?), достало и понимания, и сочувствия к жертвам инквизиции. Я считаю, что историю инквизиции со времени Гиро и Ме-зоннева переставать переделывать нечего.

Что же касается самого катаризма, то это предмет более тонкий. Книги катаров, за небольшим исключением, исчезли. Однако открытия еще возможны. Недавние находки пролили свет на проблему природы и происхождения катаризма. Прежде всего это манихейские тексты ¹⁷, прекрасно прокомментированные и интерпретированные Эме Пюэшем ¹⁸; затем «Книга о двух началах», открытая отцом Донденом ¹⁹; наконец, недавно обнаруженная в Верхнем Египте гностическая библиотека ²⁰ откомментированная Жаном Дорессом ²¹. Появились многочисленные работы, посвященные болгарским богомилам ²², несомненным предшественникам наших катаров. Наконец, работы, в течение

¹⁵ См. Список литературы.

¹⁶ «Круа» («Крест») — католическая газета, основанная в Париже в 1880 г.

¹⁷ Манихейство — еретическое течение в зороастризме, государственной религии Ирана. Возникло в III в. Основателем его был пророк Мани, которому покровительствовал персидский царь Шапур I (240-272). Мани родился в парфянской семье, но вырос в Палестине, где его отец вступил в какую-то иудео-христианскую секту. В его учении догматы зороастризма (о двух началах мира, злом и добром, Ормазде и Аримане) сочетались с верованиями христиан-гностиков (см. ниже). Мани полагал, что этот мир сотворен злым духом, проповедовал аскетизм, целомудрие и отказ от собственности; тем не менее его последователей, живших в монастырях, обвиняли в разврате. Манихеи преследовались и христианами, и зороастрийцами как еретики. Мани был казнен при сыне Шапура Вахраме I в 273 г.

¹⁸ Puech, Aimé. Histoire de la littérature grecque chrétienne depuis les origines jusqu'à la fin du IVe siècle. Paris: Société d'édition des Belles-Lettres. 1928-1930. 3 vol. Пюэш, Эме (р. в 1860) — французский историк-эллинист, специалист по раннему христианству.

¹⁹ См. Список литературы.

²⁰ Гностики — христианская секта, заимствовавшая многое как из зороастризма, так и из древнеязыческих культов, например, Гермеса Трисмегиста (Трижды величайшего). Они полагали, что земля и телесный мир — это воплощение злого начала и созданы не Богом, а Демиургом (творцом). Логос (разум), Демиург и человек происходят от Бога. Душа из космических сфер облекается телом и теряет свое совершенство, приходя в мир тьмы. С помощью знания (гносиса) человек догужен пробудить в себе свет и воссоединиться с божеством. Библиотека гностиков была случайно обнаружена во время земляных работ близ древнего города Хенобоскиона в Египте в 1946 г. Среди книг были апокрифические (не включенные в канон христианской церкви) Евангелие Истины, Евангелие от Фомы и Евангелие от Филиппа.

²¹ Dorese, Jean. Les livres secrets des gnostiques d'Égypte. T. I. Introduction aux écrits gnostiques coptes découverts à Khénoboskion. T. II. L'Évangile selon Thomas, ou les paroles secrètes de Jésus. Paris: Pion. 1958-1959.

²² Богомилы — христианское еретическое течение в Болгарии X в., входившей тогда в состав Византийской империи. Его возникновение связывают с переселением манихеев во Фракию Константином V (741-775) и с переселением павликиан в окрестности Филиппополя при Иоанне Цимисхий (969-978). И те, и другие были обязаны военной службой на границах империи в обмен на религиозную свободу. Расцвета достигли в XI в.,

десяти лет публикуемые «Обществом по изучению катаров» («Société des Etudes Cathares»), хотя порой и отличаются некоторой предвзятостью, заслуживают самого пристального внимания. Но, к сожалению, они чаще ставят проблемы, чем разрешают их. В самом деле, выдвигаются два положения, доказательства которых трудно привести: 1) катары принадлежат к гностическому и манихейскому течению первых веков церкви; 2) через розенкрейцеров ²³, наследников уничтоженных тамплиеров, и философию Рудольфа Штейнера ²⁴ их влияние дошло до наших дней. Это возможно, но не бесспорно.

Немецкий ученый Арно Борет ²⁵ несколько лет назад посвятил катарам значительную работу, учитывающую все опубликованное до него. «Ученые записки о катарах» справедливо упрекали его в полном отсутствии сочувствия и, как следствие, понимания тех, кого он так тщательно изучал. И все же его книга — неисчерпаемый источник впервые собранных ценных сведений, и все, изучающие катаров после Борста, многим обязаны ему. Я сам хочу выразить здесь ему признательность.

Это лишь краткий обзор всего имеющегося на этом чудовищно загроможденном поле деятельности. Бросаясь в свой черед в битву, что же хотел сделать я? Рассмотреть эту трагедию в аспекте всеобщей истории, ее роль не только для нашей страны, но и для истории западноевропейской цивилизации в целом. Сразу же встают деликатные вопросы: каким именно было положение Юга Франции, когда над этим краем разразилась гроза? Действительно ли там расцвела подлинная культура? Каков был ее характер? Существовало ли на Юге что-то похожее на то, что мы, современные люди, называем национальным чувством? Каковы были действительные связи между Южной и Северной Францией до их жестокого противостояния?

Это, возможно, прояснит причины, по которым катаризм обрел на Юге оптимальные условия для существования. Затем мы могли бы спросить себя, чем же был сам катаризм, но при этом стараясь изучать его конкретно-исторически. Я полагаю, что историк — это тот, кто расставляет реалии по местам, которые они занимали в свою эпоху. Доктрина катаров интересна сама по себе и, разумеется, занимает свое место в истории мысли. Но историка занимает прежде всего то, как она жила, влияя на людей определенной эпохи и круга. И, как всегда в истории, именно так все было только один раз. Богомилы Болгарии и Константинополя вовсе не были катарами Окситании, даже если установлен факт тесных связей между ними. То же относится к позднейшим розенкрейцерам. И катаризм, такой, как мы его изучаем, расцвел только один раз.

Реакция церкви на катарскую угрозу, реакция Франции на южный сепаратизм назывались крестовым походом и инквизицией. Это тоже институты эпохи, которые должно оценить с ее точки зрения, а не с нашей. Пристрастные суждения о крестовом походе и инквизиции не учитывают феномена христианства, глубоко определяющего особенности

когда предводитель богомилов Василий проповедовал при дворе самого императора Алексея Комнина, где был схвачен и казнен. Как и многие поздние катарские проповедники, он был врачом Богомильские обряды явно прослеживаются у катаров. В частности, богомилы сами совершали исповедь; не только мужчины, но и женщины участвовали в посвящении неофитов. Их обвиняли в безнравственности, так как мужчины ходили на проповедь вместе с женщинами. Некоторые воззрения богомилов — например, что лучшие люди не умирают, а становятся единотелесными с Христом — присутствуют у современных иеговистов.

²³ Розенкрейцеры — мистическое религиозное братство, возникшее в XVII в. Символами его были Роза и Крест, откуда, судя по всему, и название. Основателем считался мифический Христиан Розенкрейц, живший якобы в конце XIV — начале XV вв. Считались хранителями тайного знания рыцарского ордена тамплиеров, разгромленного королем Филиппом Красивым.

²⁴ Штепнер, Рудольф (1861-1925) — немецкий философ-мистик, основатель антропософии — учения, включившего элементы гностицизма, манихейства, каббалы в сочетании с идеями Гете и Гегеля.

²⁵ См. Список литературы.

средневековья в его апогее. Быть может, необходимость бороться средствами инквизиторов против катарского раскола обрекла на смерть само христианство и подготовило рождение наций. Все это мы собираемся рассмотреть.

Наконец, то, как побежденная и униженная земля, превращенная во французскую провинцию Лангедок, реагировала на свалившееся на нее несчастье, станет последним вопросом, который мы поставим. Это касается характера нашего национального единства. С этой точки зрения история каждой нации совершенно уникальна. Нигде нет ничего похожего на наш Лангедок ни по способу, которым он был объединен с Францией, ни по роли, которую он играл впоследствии во французском единстве.

Мы видим, что здесь речь не идет о собственно истории, если понимать под ней более или менее детальное изложение серии событий. Большая часть тех, что будут упомянуты, достаточно хорошо известны. Мы их кратко напомним, если сочтем необходимым, и сопроводим этот очерк хронологической таблицей, позволяющей, полагаю, без особого труда ориентироваться в нем. Общая библиография даст необходимые указания желающим продолжить изучение.

Я только что назвал эту работу очерком, потому что ее цель — ответить на ряд спорных вопросов. Эти вопросы, как я уже показал, — исторические, потому что они точно зафиксированы во времени и в пространстве. Но они актуальны и в другом смысле. Лангедок не только всегда являлся одной из важных составляющих французского единства, что постоянно оборачивалось другой стороной, порой опасной, когда речь шла об определенных исторических понятиях — таких, например, как христианство. Крестовый поход против альбигойцев и учреждение инквизиции как его следствие — существенные явления христианства, однако действия французской королевской власти определенно не исчерпываются этим. Сначала бессознательно, а с царствования Филиппа Красивого ²⁶ все более и более целеустремленно она готовит появление совершенно новой реалии. Через потрясения XIII в. средние века из детства вступают в современный мир. Это уже материал для размышлений, намного превосходящий сам предмет этого исследования.

Глава I

МЕЖДУ РОНОЙ И ГАРОННОЙ

Между реками Гаронной, Роной и самыми южными склонами Центрального массива с одной стороны и Средиземным морем, Корбьерами и Арьежскими Пиренеями — с другой простирается обширная равнина, сложенная из аллювиальных отложений. По ней с глубокой древности то и дело шли купцы и солдаты. В доказательство этого упомяну лишь, что цитадель Ансерюн близ Ниссана, между Безье и Нарбонном, видела у своего подножия войска Ганнибала ²⁷ еще до появления римских легионов. Затем появились вестготы и сарацины ²⁸. Край долго назывался Готской маркой, а многие местные географические названия хранят память о мусульманских набегах. Подобно Стране Басков на западе, это врата Франции, за которыми лежит Испания. По-другому край назывался Сеп-тимания,

²⁶ Филипп IV Красивый (1268–1314) — король с 1285, внук Людовика Святого.

²⁷ Ганнибал (ок. 247–183 до н. э.) — карфагенский полководец. Во время Пунических войн с Римом в 218 г. до н. э. совершил переход через Испанию, Пиренеи и Альпы в Италию.

²⁸ Вестготы — западная ветвь германского племени готов, в IV в. вторгшихся на территорию Восточной Римской империи. В V в. они двинулись в Италию, а в 419 г. основали Тулузское королевство, куда вскоре вошла и Испания. Сарацины — арабы, вторгшиеся в Испанию в 711 г. К 718 г. захватили большую часть Пиренейского полуострова и вторглись в Австразию, но были разбиты Карлом Мартеллом при Пуатье в 732 г. Его внук Карл Великий отвоевал у арабов территории вплоть до р. Эбро и основал Испанскую марку.

поскольку в Безье стояли ветераны седьмого легиона. Эта область, вместе с Нимом и Нарбонном, — самая романизованная в Галлии. Нарбоннский край называли Gallia togata — «Галлия в тоге», в противоположность остальной части, «Галлии косматой». Древняя Толоза, начало которой теряется во мраке времени, уже тогда была известным центром риторов и поэтов. Но много ранее, когда она являлась столицей вольков-текто-сагов ²⁹, не в ее ли землю закопали похищенное в Дельфах золото, знаменитое золото Тулузы?

Эта земля располагалась прямо в центре Юга. Достаточно переплыть реку, и оказываешься в Гаскони, очаровательной, пересеченной ложбинами и холмами стране, где высится старинный город Ош, столица Новемпопулации, то есть Края девяти народов. Стоит лишь дойти по течению до низовьев, и мы на великолепной, покрытой фруктовыми деревьями средней долине Гаронны, у подножия известняковых обрывов Керси. Мимоходом поприветствуем красную цитадель Монтобана в нижнем течении Тарна и потом через Муассак и Кастель-Саразен подойдем к Ажену и Марманду — западной оконечности этой обширной территории. По другую сторону находится Борделе с совсем иной историей. К юго-востоку и юго-западу от Тулузы каждая пиренейская долина имеет собственный облик: Бигор, Комменж, Кусеран, край Фуа совершенно различны, но сходятся у Тулузы. На северо-востоке, севере и северо-западе притоки Гаронны открывают путь на Керси — от Кагора, еще испытывающего тулузское влияние, до Аль-бжуа и даже Руэрга.

Хотя эта земля гораздо более рассечена и раздроблена, чем Парижский бассейн, она тем не менее представляет собой целостность, естественной столицей которой является Тулуза. Характер этого края двойствен: есть равнины и горы — первые богаче, приветливее, населеннее, цивилизованнее, последние грубее, но более стойкие, убежище для побежденных, хранители традиций, родители отважных и стойких. Эти ловкие пиренейские и корбьерские пастухи, могучие и неотесанные люди Монтань-Нуар, гор Лакона и Руэрга в будущем составят силу южных войск. С другой стороны, есть средиземноморские и атлантические склоны, климат и растительность которых совершенно иные. Граница между ними пролегает в Лораге, между целиком средиземноморским Кар-кассоном, с его оливковыми деревьями, и Тулузой, часто туманной, щедро орошаемой океаническими дождями. От Лораге через проход Сен-Феликс мы напрямик, огибая Монтань-Нуар, попадаем в Аль-бжуа, а направляясь от Каркассона в долину реки Од — углубимся в горы Корбьера. Испания совсем рядом, графство Барселонское соприкасается с Тулузским, и обе столицы оспаривают друг у друга главенство; одна, опирающаяся на Монпелье, лучше расположена для того, чтобы доминировать в Средиземноморье; другая распространяет свое влияние к западу.

Что ж удивительного, что в этой точке слияния, пересечения многочисленных дорог смог возникнуть и укрепиться такой центр культуры, как Тулуза? При всем различии между горцами и жителями равнин, людьми Средиземноморья и людьми, тяготеющими к Атлантике, по меньшей мере их связывает один язык. Это романский язык «ок», и край мог бы за неимением лучшего называться Окситанией (Occitanie) ³⁰ или Романией. Следует только заметить, что диалект «ок» выходит далеко за границы, которые мы попытались очертить. Землями языка «ок» являются Лимузен и даже Пуату. Самым первым трубадуром был Гильом IX Аквитанский ³¹, правивший в Пуатье, а некоторые из самых знаменитых

²⁹ Вольки — кельтское племя, жившее в Иллирии (Северная Адриатика).

³⁰ См. прим. на с. 13.

³¹ Гильом IX — гр. Пуатье и герц. Аквитанский (1071-1126). Женат на сестре Гильома IV (1061-1093) и Раймона IV Тулузских Филиппе. Неоднократно был отлучен от церкви за развратное поведение. Участник первого крестового похода. Первый трубадур.

трубадуrow, в частности, Бертран де Борн ³², были лимузенцами в широком смысле слова. Наконец, не забудем о расположенном по другую сторону от Роны Провансе ³³, имперской земле, судьбы которого совсем иные, но где также говорят на диалекте «ок», и большинство современных французов даже называет этот диалект провансальским. Что же до каталанского языка, то он в средние века мало отличался от окситанского.

Несмотря на широкую распространенность, с XI века этот язык отличается примечательным единством. От Борделе до Прованса, от Лимузена до Руссильона все трубадуры пишут на одном и том же диалекте, словно бы бесчисленные наречия, на которые он потом раздробился, слились тогда в общий язык. Общий язык предполагает общую культуру, и мы видим, что этот необычный феномен довольно внезапно возникает на заре XI века, ставшего почти для всей Европы временем обновления.

Но край, облик которого мы попытались обрисовать широкими мазками, — лишь среда развития этой культуры. Ее взлет — это завершение другой долгой истории, порой темной и запутанной. Известно, что меровингская Франция ³⁴ в конечном счете разделилась на четыре больших области: на северо-западе, от Ла-Манша и Северного моря до Мааса — Нейстрия; на северо-востоке — Австрия, от Мааса до сердца бывшей земли германцев, постепенно завоеванной войсками Меровингов и Карла Великого ³⁵. Он сам был родом из Австрии, и ему удалось собрать под своим скипетром почти всю христианскую Европу, за исключением англосаксонских королевств. Юг Франции был поделен между Аквитанией ³⁶ и Бургундией. Но Меровингам и Каролингам всегда было крайне трудно утвердить свою власть именно в Аквитании, где жили народности разного происхождения, но объединенные одной общей чертой: они намного меньше, чем все прочие, испытали германское влияние. Через Пиренеи они имели постоянную связь с соседней Испанией. Любопытная вещь: Пиренеи в средние века, по крайней мере на восточной и западной оконечностях, были вовсе не препятствием, а скорее мостом. По обеим склонам жили одни и те же народы.

Итак, Аквитания оставалась относительно независимой от Северной Франции почти все раннее средневековье. Когда в 843 году в Вердене великая империя была разделена между тремя сыновьями Людовика Благочестивого, Карл Лысый ³⁷ получил Францию, то есть в основном бывшую Нейстрию и бывшую Аквитанию от устья Шельды до устья Эбро.

³² Бертран де Борн (ок. 1182/1195-1215) — лимузенский рыцарь, один из известнейших поэтов на языке «ок» своего времени, участник всех интриг и распрей при дворе Генриха II Английского (1154-1189) и его сыновей.

³³ Прованс по Верденскому разделу отошел к императору Лотарю I (795-855) вместе с землями по Рейну и Роне и Италией. После его смерти Прованс и королевство Бургундия достались его сыну Карлу (ум. 863). Впоследствии составили Арелатское королевство, вошедшее в Германию в 1032 г. Таким образом, графства Прованское и Бургундское (Франш-Конте) были ленами империи, а герцогство Бургундское входило с X в. во владения Капетингов. Прованс присоединил к графству Барселонскому гр. Раймон Беренгьер I, женившийся на Дуче Прованской в 1109 г., после чего графство наследовалось младшими сыновьями рода. Часть Прованса еще раньше отошла к графам Тулузским после брака Гильома Талайфера (950-1037) с Эммой Прованской.

³⁴ Меровинги (V в. — 751 г.) — династия германских франкских королей, захвативших земли галлов, но принявших их язык и культуру.

³⁵ Карл Великий (742-814) — король франков (с 768 г.), император (с 800 г.). Умер 25 января 814 г.

³⁶ Аквитания — «страна вод». При Карле Великом — королевство его сына Людовика Благочестивого (впоследствии императора), затем отошло Карму Лысому, было попеременно то королевством, то герцогством, пока не установилась герцогская династия.

³⁷ Людовик Благочестивый (778-840) — король франков, император с 814 г. Карл Лысый (823-877) — младший сын Людовика, которого он одно время прочил в императоры в обход прав старших сыновей, король западных франков с 840 г., император с 875 г. Доставшиеся ему земли составили основу будущей Франции.

Более вытянутая с севера на юг, чем современная Франция, эта каролингская Франция включала Антверпен и Барселону, но доходила лишь до Мааса, Соны и Роны. Две больших области, ее составляющих, сыграли неравную роль в ее истории. На Севере, между Парижем и Ланом, лежал центр ее тяжести и решалась ее судьба, в то время как края к югу от Луары были по сути дела предоставлены сами себе. Последний каролингский акт, касающийся Юга, датируется 955 годом, первый капетингский акт ³⁸ — 1134 годом. В этот временной промежуток Юг был еще в большей степени, чем Север, оставлен на произвол феодальной анархии.

При этой анархии церковь долго являлась единственным элементом порядка и относительной стабильности. Земли объединяются вокруг больших архиепископств или епископств Нарбонна, Оша и Тулузы и особенно — вокруг крупных аббатств, среди которых аббатство Аньян, основанное при Людовике Благочестивом святым Бенедиктом Ань-янским ³⁹, сыном графа Магелонского. Именно он ввел на Юге бенедиктинский устав. Позднее южные аббатства присоединились или к Клюни, или к Сито ⁴⁰. Фонфруад близ Нарбонна, Грансельв, Лаг-рас, Сен-Папуль, Сен-Пон-де-Томьер сияли тогда несравненным блеском; одновременно множились и епископства — Каркассон, Альби, Магелон и т. д. Но в отсутствие королевской власти, которая всегда поддерживала церковь на Севере, церковь на Юге намного сильнее срослась с феодальной системой. Знатные семьи оспаривают друг у друга аббатства и епископства, и Григорию VII ⁴¹ труднее всего будет провести свою реформу на французском Юге, где симония и порочные нравы остаются незаживающими ранами и мешают подлинной евангелизации края.

В самом деле, было бы немалым заблуждением полагать, что христианство очень быстро и легко преодолело бесчисленные препятствия, которые встречало на пути. Их было на Юге не меньше и даже больше, чем где-либо, по двум внешне противоположным причинам: с одной стороны, через этот край прошло множество завоевателей, среди которых были и ариане ⁴² — вестготы, и мусульмане — сарацины; с другой стороны, похоже, что население, особенно горское в Арьежских Пиренеях, но не только оно, прочно хранило память и более, чем просто память, о древних верованиях. Горы традиционно были хранителями прошлого, и весьма вероятно, что культ Митры и даже друидский культ ⁴³ имели более или менее осведомленных приверженцев еще долго и в средние века. Добавьте

³⁸ Капетинги — династия французских королей, сменивших Каролингов в 987 г. и правившая до 1328 г., хотя и Бурбоны, и Валуа — младшие ветви той же династии.

³⁹ Бенедикт Аньянский (ок. 750-821) — вестгот, воспитывался при дворе Карла Великого, советник императора Людовика Благочестивого. Восстановил монастырский устав Бенедикта Нурсийского (480-543) в первоначальной строгости.

⁴⁰ Клюни — французский бенедиктинский монастырь, начавший в X в. борьбу за реформу католической церкви, откуда и название — клюнийское движение. Их особо поддерживал папа Григорий VII. Расцвета достиг в XI-XII вв. Сито (Cistercium) — французский монастырь, положивший начало целой конгрегации монастырей и ордену цистерцианцев.

⁴¹ Григорий VII (Гильдебранд) — папа римский (1073-1085). Боролся за инвеституру с императором Генрихом IV. Проводил церковную реформу, названную также клюнийской.

⁴² Ариане — последователи Ария (256-336), епископа, отрицавшего божественную сущность Иисуса Христа и догмат о троичности божества. В 325 г. был осужден вселенским собором; тем не менее арианство было очень распространено среди готов.

⁴³ Митра — зороастрийское солнечное божество, победитель злого духа Аримана. Его культ был очень популярен в Риме I-II вв. н. э., особенно среди легионеров. Лег в основу манихейства (см. прим. на с. 16-17). Друиды — жрецы древних кельтов, т. е. вольков и галлов.

к этому постоянные приезды купцов из-за моря или мусульманских стран, великое множество евреев, высоко уважаемых, имевших в Люнеле одну из своих самых процветающих школ. Большого и не нужно, чтобы объяснить религиозную пестроту Юга, столь отличного и в этом отношении от Севера, и всегда существовавшую там терпимость, возможно, окрашенную некоторым скептицизмом.

ТУЛУЗСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В момент, когда трагедия уже готова обрушиться на Юг, он почти достигает того, чего ему недоставало, — некоего политического единства. Графы Тулузские из рода Раймондинов, или Сен-Жилей, вели происхождение от некоего Фульгу-альда, каролингского чиновника, имя которого упоминается в середине IX века, в эпоху Карла Лысого. Вторым сыном Фульгуальда был Раймон I. Домены Раймондинов с течением времени были разделены между различными ветвями этого дома до той поры, покуда на трон не взошел знаменитый Раймон IV⁴⁴ де Сен-Жиль, ставший настоящим предводителем первого крестового похода⁴⁵. Он сосредоточил в своих руках все земли своих предков и присоединил к ним Прованский маркизат⁴⁶, полученный от жены. Трудно определить точную протяженность этого большого фьефа в конце XI века, впрочем, как и в какую-либо другую эпоху. Он и впрямь был составлен из отдельных земель, рассеянных между Ажене и Конта-Венессен. Эти земли то присоединяются к Тулузе, то ускользают от графа, чтобы в конечном счете вернуться к нему благодаря войне или браку.

Первоначальный характер этого Тулузского государства был до крайности нестабилен. Тем не менее здесь есть центр тяжести, подобный герцогству Франция в Иль-де-Франсе, которое простиралось от Орлеана до Суассона и было колыбелью династии Капетингов. Собственно графство Тулузское порой путают с епископством Тулузским — последнее является исключением среди южных диоцезов, так как почти лишено земли. Графы владели большим городом — это было их силой и слабостью одновременно. Он приносит им существенные доходы; он — истинная столица, могуществом и блеском превосходящая Париж. Но город населен богатыми бюргерами, учредившими свои собственные институты, и сам граф является хозяином Тулузы фактически в той мере, в какой это угодно горожанам. Таким образом, Тулуза предстает настоящей свободной республикой, во всем походящей на итальянские республики этой эпохи, но живет в относительном мире с графом, в чем заключается самое большое своеобразие ситуации.

Земля подле Тулузы богата, на ней хорошо родят хлеба. Тулузская округа занимает часть Ло-раге, и граница между диоцезами Тулузы и Кар-кассона в точности соответствует границе зон климата и растительности, разделяя атлантический Юг и Юг средиземноморский. Тулузское государство протягивает щупальца до Руэрга — все Аль-бжуа в северном течении Тарна находится в ленной завистности от Тулузы. К западу и северо-западу графство, кое-где прерываясь, простирается до Марманда и Кагора. Там оно граничит с фьефами Плантагенетов. Жанна Английская, дочь Генриха II Плантагенета и

⁴⁴ Раймон IV (ок. 1041-1105) — гр. Тулузский с 1093 г. Скончался близ Триполи.

⁴⁵ Первый крестовый поход состоялся в 1096-1099 гг. Среди предводителей похода были также Готфрид и Бодуэн (Балдуин) Бульонские, Боэмунд Тарентский, сын герц. Апулии и Калабрии Робера Гискара, Гуго, гр. Вермандуа, брат короля Франции Филиппа I, Роберт, герц. Нормандский, брат короля Англии Вильгельма Рыжего, и др.

⁴⁶ Прованский маркизат — часть территории графства Прованского, отошедшая к Тулузе по браку Гильома Талайфера с Эммой Прованской.

Альеноры Аквитанской, сестра Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного ⁴⁷, стала одной из жен Раймона VI ⁴⁸. Именно она родила Раймона VII, последнего в роду. Это английское соседство порой опасно. Плантагенеты возобновили прежние притязания герцогов Аквитанских на Тулузу. Гильом IX Аквитанский дважды овладевал Тулузой: первый раз, воспользовавшись отсутствием Раймона IV, отбывшего в крестовый поход без надежды на возвращение, он занимал столицу Раймондинов с 1098 по 1110 годы; второй раз это случилось в 1114-1119 годах. Еще один раз Тулузе угрожал Генрих Плантагенет, осадив ее в 1159 году. На Раймона V ⁴⁹ в это время напирала со всех сторон. Его враги были не только на западе, но и на востоке, где он столкнулся с враждебностью Транкавелей, виконтов Безье и Каркассона, а также с королем Арагона, графом Барселонским ⁵⁰. Тогда граф Тулузский призвал на помощь своего далекого суверена, Людовика VII ⁵¹, на сестре которого Констанции он был женат. Французский король почти без войска бросился к Тулузе, и город спасла только храбрость его собственного ополчения. 1159 год — очень важная дата, потому что именно тогда в первый раз французские короли третьей династии ⁵² вторглись на юг Центрального массива. Владычество английских королей в герцогстве Аквитанском действительно порой представляло угрозу, но помощь парижского двора поставила тулузский фьеф в прямую зависимость от него. Поэтому в 1173 году, воспользовавшись междоусобной войной между Генрихом Плантагенетом и его сыновьями, Раймон V перенес свой оммаж от Капетингов к Плантагенетам. Таким образом, он отделился от Северной Франции не только территорией герцогства Аквитанского, но также и графствами Жеводан, Беле и Виваре; последнее к тому же было землей Империи.

Но государство Раймондинов, как мы видели, граничит не только с этими приморскими владениями. Есть второе ядро, оно расположено далеко к востоку и отделено доменом Транкавелей, ви-контством Нарбонским и сеньорией Монпелье. Транкавели со столицей в Каркассоне владеют на севере альбигойскими землями до Тарна; на юге им принадлежит Разес с Лиму, на востоке их владения простираются до Агда. После государства Раймондинов транкавельский домен является самым большим владением Юга и в основном ориентируется на Арагонское королевство, которому принадлежат не только Каталония и Рус-сильон, но и часть Прованса и даже Монпелье. Между двумя домами в течение XII века

⁴⁷ Альенора Аквитанская (1124-1204) — внучка Гильома IX, единственная дочь Гильома X, в 1137-1152 гг. была женой короля Франции Людовика VII, от которого имела двух дочерей. Развелась, в 1153 г. вышла замуж за Генриха Плантагенета, графа Анжу и герцога Нормандского, с 1154 г. короля Англии (ум. 1189). Ричард Львиное Сердце (1159-1199), граф Пуатье, король Англии с 1189 г., второй сын от этого брака, известен как поэт-трубадур. Иоанн Безземельный (1167-1216), король Англии с 1199 г. — четвертый сын от этого брака. По дочери Элеоноре она бабка Бланки Кастильской. Герцогство Аквитанское оставалось во владении короля Англии до 1453 г.

⁴⁸ Раймон VI (1156-1222) — граф с 1194. Был женат 5 раз, в том числе на Жанне Английской, матери Раймона VII, и на Элеоноре Арагонской, дочери Альфонса П.

⁴⁹ Раймон V (1134-1194) — граф с 1148 г. Был женат на Констанции, дочери короля Франции Людовика VI Толстого, от которой родился Раймон VI, потом — на Ришильде, вдове графа Раймона II Беренгера Прованского.

⁵⁰ Виконт Безье и Каркассона — Рожер II, муж Аделаиды, дочери Раймона V. Король Арагона — Альфонс II, сын графа Барселоны и Прованса Раймона I Беренгера и королевы Петрониллы Арагонской, дед Раймона IV Беренгера, графа Прованского.

⁵¹ Людовик VII (ум. 1180) — король Франции с 1137. Организатор II крестового похода.

⁵² Во французской истории первой династией называются Меровинги, второй — Каролинги, третьей — Капетинги.

бывали длительные войны и периоды примирения. Эти дома соединяли частые браки, которым не удавалось их помирить, потому что Раймондины, естественно, стремились достичь единства своего государства за счет Транкавелей. Титул герцогов Нар-боннских был почти бесполезен, но зато у ворот Монпелье Раймондины владели графством Мель-гей (нынешним Могио), виконтствами Нимским и Арльским и графством Сен-Жиль, делавшим их хозяевами Роны. Наконец, за рекой Раймондины являются маркизами Прованса, что возвышает их, по крайней мере формально, над всем краем между Дюрансом и Дромом. Там они снова сталкиваются с враждебностью арагонских королей и графов Прованских, владеющих территорией южнее Дю-ранса. Однако маркизат — это земля Империи, и в силу этого можно обращаться к императору, даже с просьбой о помощи против французского короля. Не лишне повторить: нет ничего более сложного, чем этот раздробленный на куски феодальный комплекс от Гаскони и нижней Гаронны до подножья Альп. Чего больше всего не хватает государству Раймондинов, так это широкого доступа к морю. Оно отрезано с одной стороны Плантагенетами, а с другой — Транкавелями, Арагоном и Провансом.

Если превосходство графов Тулузских между Мармандом и Авиньоном бесспорно, то от тран-кавельского фьефа, над которым Раймондины не обладают даже настоящей феодальной властью, исходит угроза, а на все их средиземноморские территории притязают арагонские короли. Следует признать, что в этой трудной ситуации графы Тулузские вели достаточно последовательную политику. Они пытались придать своему государству сколь возможно прочную структуру, и если их институты и не обладали устойчивостью капетинг-ских, то по крайней мере к концу XII в. мы видим в Тулузе зачатки государственной организации, которую никак нельзя считать слаборазвитой. Если бы не катастрофа, которая уничтожила их, графам Тулузским, вероятно, удалось бы создать государство на юге Центрального массива. В самом деле, ни Англия, ни Арагон в силу различных причин не представляют для них чересчур серьезной угрозы. Иоанну Безземельному приходится защищать свои северофранцузские владения от Филиппа Августа⁵³, в то время как Педро II Арагонский⁵⁴ сражается с Альмохадами, а сами его победы уводят его все дальше от Пиренеев.

Настоящая опасность, но пока относительно далекая, находится на Севере. Никогда Филипп Август не уступит свои сюзеренные права на французский Юг. Можно было предвидеть, что рано или поздно, после того как ослабнет английская угроза, французские короли обратят внимание на другую сторону Центрального массива. Но должно было пройти много времени, чтобы появилась возможность создать прочное Тулузское государство, способное успешно защищать свою независимость. Конечно, нет ничего неблагодарнее попытки восстанавливать после краха историю того, что никогда не существовало. Во всяком случае, мы можем представить себе мысли и расчеты Раймона VI Тулузского в тот момент, когда он в 1194 году наследует своему отцу и оказывается во главе государства обширного и мощного более, чем когда бы то ни было.

Трудно беспристрастно судить об этом умном, блестящем, добром, здравомыслящем, но непостоянном и слабом государе. Он сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы избежать трагической ситуации. Он умел ловко маневрировать между арагонским королем и королем английским, между императором и королем Франции. Несмотря на обвинения, позднее выдвинутые против него Иннокентием III, Раймон VI не мог быть плохим администратором, поскольку всегда пользовался большой популярностью у своих подданных, а его несчастья только укрепили ее. Но он совершенно не привык к иным

⁵³ Филипп II Август (1165-1223) — сын Людовика VII от второго брака с Аделью Шампанской, король с 1180 г.

⁵⁴ Педро II Арагонский (1174-1213) — сын Альфонса II, брат Альфонса, графа Прованского, король Арагона с 1196 г. Женат на Марии, наследнице Монпелье (1204). Коронован лично Иннокентием III. На его сестрах были женаты Раймон VI и Раймон VII.

сражениям, нежели те, которые сталкивали его с графом Прованским. Это были мелкие феодальные войны, которые велись незначительными контингентами, по большей части иноземными, и уж никак не ставили под вопрос существование государства. Когда он увидит выступившее против него огромное войско Севера, то будет искать спасения лишь в унижениях и хитрости. Он очень быстро устанет от напряжения затянувшейся войны и будет готов платить самую высокую цену за малейшую отсрочку.

Но мог ли он думать, что опасность, грозившая ему, была настолько серьезной? Ведь он — один из наиболее могущественных христианских государей и принадлежит к одному из самых знаменитых родов, какие только существуют в Европе. Если он и не носит титула короля, то не перестает быть сыном французской принцессы, мужем принцессы английской. Он происходит от того Раймона IV, который победно руководил первым крестовым походом; его дед ⁵⁵ принимал участие во втором крестовом походе, а для южной знати помощь испанским христианам против мавров является прочно установившейся традицией. Как можно серьезно сомневаться в его ортодоксальности, даже если он и выказывал катарам подозрительное благоволение? Правда, иногда он грабит епископства и аббатства, но кто среди государей, равных ему, не делал того же? Огучается, при других обстоятельствах он покровительствует церкви и обогащает ее. Какой римский папа осмелился бы лишить земель законного властелина?

Когда Раймон VI не скачет к Провансу, где ведет вечный спор с Раймоном Беренгьером ⁵⁶, он наслаждается прелестями своей прекрасной и богатой столицы. Он дружит с литературой и искусствами. При своем дворе он содержит самых известных трубадуров своего времени. Он заключает брак за браком, повинуюсь своей фантазии и интересам. Он развлекается, сталкивая католических монахов и катарских священников, отмечая с элегантным скептицизмом удары и в конечном счете признавая, что катары много добродетельнее и образованнее. Этот сластолюбец действительно смыслит в добродетели.

Полагаю, ни один правитель никогда не подходил своему народу больше, чем Раймон VI, и, несомненно, именно здесь следует искать секрет его долгой популярности, но нельзя сказать, что он был государем-демократом. Благодаря тулузским капитулам он знал чаянья и желания населения и ничего не предпринимал, не посоветовавшись со своими глашатаями истины. Это богатые горожане, а ниже их и даже порой против них — простой люд. Графу приходится поддерживать последних против первых к вящей пользе своего личного авторитета. Но эти конфликты никогда не оборачиваются трагедией, и Раймон VI может безбоязненно прогуливаться чуть ли не в одиночку по улицам своего доброго города. В ту пору на тулузском Юге воцарились радость и легкость жизни, почти уникальные для всей Европы той эпохи.

ВЕСЕЛАЯ УЧЕНОСТЬ

Это уже изысканный плод некоей культуры, развивавшейся почти два века. Около тысячного года во всем христианском мире произошел как бы резкий подъем. В это время Герберт Ориийякский сделался папой под именем Сильвестра II ⁵⁷, а Отгон III ⁵⁸ стал

⁵⁵ Альфонс Иордан (Журден) (1103-1148) — сын Раймона IV и Эльвиры Кастильской, родился в Палестине, крещен в Иордане, откуда прозвище. В 1112 г. наследовал отцу, когда его старший незаконный брат Бертран отправился в Палестину. Дважды был отлучен от церкви. Участник второго крестового похода.

⁵⁶ Графом Прованским в 1193-1209 гг. был сын короля Альфонса Арагонского, Альфонс, а в 1209-1246 гг. — сын последнего Раймон IV Беренгьер.

⁵⁷ Сильвестр II (Герберт Ориийякский) (ок.945-1003) — папа римский с 999 г.

⁵⁸ Отгон III (980-1002) — император с 983. Сын Отгона II и Феофано, племянницы византийского императора Иоанна Цимисхия

императором. Впервые христианская идея отрянула обломки каролингской империи. Казалось, наступает новый период мировой истории. Мечта Сильвестра II и Отгона III о гармоническом единстве обеих властей не осуществилась, но оставила по себе долгую и неистребимую тоску. Однако пути, которые внезапно открылись, не закрылись вновь. Города начинают выходить из своих тесных каменных поясов. Возобновляется торговля. По тому, что осталось от римских дорог, движется все больше и больше купцов и паломников. И сразу же расцветают искусства и литература.

Нигде это не происходило столь блестящим образом, как на Юге, который мы исследуем. Последние нашествия сравнительно пощадили его. Если мавры малость и потоптали Юг, то норманнских вторжений и венгерских набегов он избежал. Здесь, несомненно, сохранились некоторые римские традиции. Во всяком случае, разрушенных и покинутых памятников древности здесь можно было увидеть больше, чем где-либо. Но главное — через Средиземное море и Испанию Юг поддерживал постоянный контакт с мусульманской цивилизацией, находившейся тогда на вершине своей славы. Я не собираюсь здесь обсуждать здесь своеобразие этой культуры. Несомненно то, что арабская империя, даже расколота на испанских Омей-ядов и багдадских Аббасидов, сохраняла прочное единство и объединяла испанский Запад с сирийским Востоком. Потoki товаров, мыслей и людей беспрестанно текут через Внутреннее море и вдоль его берегов, и Запад оказывается связанным с весьма отдаленными странами вроде Персии и даже Индии. Тулуза — это, естественно, одни из «ворот», куда стекаются все эти экзотические продукты, идеи, сопровождавшие их, и люди, их везущие. Левантские торговцы или евреи привозят сюда толедские клинки, кордовские кожи, мосульские шелка. Евреи пользуются особым уважением и чувствуют себя на нашем Юге почти как дома, в мусульманской Испании. Они завозят в Тулузу, Нарбонн, Монпелье и прочие города идеи, которые бродят в арабском мире, и прежде всего, конечно же, философию Авиценны⁵⁹, столь отличную от философии Аверроэса⁶⁰; первый — последователь Платона, тогда как второй — Аристотеля. Безусловно, именно это расчищает путь для стремительного вторжения катарских доктрин.

Следует ли приводить еще и доводы экономического и социального порядка? Действительно, в городах Юга, особенно в Тулузе, сословие купцов развивалось очень быстро. Эти купцы, в отличие от старого патрициата городов, не очень богаты землей на манер знати. Это одновременно предприниматели и денежные воротилы, доходы которых состоят главным образом в движимости. Они сталкиваются с резким противодействием церкви, запрещающей заем под проценты. Поэтому мы наблюдаем в Тулузе расстановку сил, хорошо известную по итальянским городским республикам: государь и знать опираются на старый патрициат против новых богачей и даже восстанавливают против них простой люд. На стороне первых и церковь — не только потому, что запрещает ростовщичество, но еще и оттого, что получает доходы в основном от земельных владений. Отсюда противостояние в Тулузе Сите, которая зависит от епископа и где живет старое бюргерство, и Бурга, населенного нуворишами. Аналогичной ситуация была и в Нарбонне, самом богатом торговом городе Юга после Тулузы. Однако конфликты между городом Тулузой и графами никогда не были очень ожесточенными, и это связано по большей части с мягкостью нравов и той утонченной атмосферой, в которой развилась куртуазная поэзия.

Ведь я не думаю, что поразительная оригинальность поэзии на языке «ок» была обусловлена только тем или иным влиянием или даже сочетанием влияний. Одни хотели видеть в ней возрождение римской любовной поэзии, нечто вроде продолжения Овидия,

⁵⁹ Авиценна — латинизированное имя Ибн Сины (980-1037), восточного ученого, философа и врача, продолжателя традиций восточного аристотелизма и платонизма.

⁶⁰ Аверроэс — латинизированное имя Ибн Рушда (1126-1198), арабского философа, прозванного Комментатором, т. к. большинство его сочинений — комментарии к трудам Аристотеля.

поскольку память о Риме была на Юге более живой, чем в любом другом месте. По мнению других, куртуазная поэзия уходит корнями в доисламскую арабскую лирику. Весьма возможно и даже, если угодно, несомненно, что эти и еще другие влияния сыграли свою роль. Но, в сущности, они ничего не объясняют. Для того, чтобы эта изощренная лирика внезапно появилась в странах языка «ок» в XI веке, ей надо было долго вызревать, а главное, должны были произойти социальные изменения, основным доказательством которых является сама эта поэзия. Но этого доказательства вполне достаточно.

Первая черта этих перемен — возвышение женщины, обязанное, быть может, своим появлением отдаленным германским влияниям, но скорее всего — безопасности и новому изобилию, которые начинают царить в этом крае. Если трубадуры и их куртуазная метафизика так быстро распространились по всему христианскому миру — это потому, что условия везде были аналогичны; но положил начало этому и задал тон Юг. Высшие слои общества зажили здесь в достатке и праздности. Замки — уже не просто уединенные крепости на скалистых вершинах; между их обитателями устанавливаются связи, объединяющие их в общество. В замки наносят визиты, там собираются ассамблеи, где женщинам отведено видное место. Кроме того, на французском Юге многие сеньоры покидают, хотя бы временно, свои замки и устраиваются в городских особняках. Здесь они встречаются не только с равными себе, но и с состоятельными бюргерами, как старыми, так и недавно разбогатевшими, а те все больше и больше по утонченности манер сближаются со знатью.

Так складывается изысканное общество с определенным набором общих ценностей. Они называются на диалекте «ок» *pretz* и *paratge*. Анонимный автор второй части «Песни о крестовом походе» неустанно повторяет, что *pretz* и *paratge* утрачены из-за французского вторжения. О чем же идет речь? Слова эти почти непереводимы. *Pretz* — буквально «цена», то, что придает цену не вещи, не предмету, а человеку. Это его оценка. То есть: человек одухотворен неким высоким идеалом, а внешне этот идеал воплощается в его поведении и манерах. Стоящий человек — это совершенный рыцарь. Как и на Севере, его отличают подвиги в защиту всех преследуемых и слабых. И если, к примеру, вы прочитаете южный роман «Джауфре», то увидите, что его дух не очень отличается от духа романов Кретъена де Труа⁶¹. Артуровский цикл не менее был распространен на Юге, чем на Севере Франции. Между Джауфре и Персевалем, однако, есть одно важное различие: первый много изящнее. Это не грубый галл, постепенно поднимающийся до совершенного усвоения законов рыцарства, но рыцарь с первой минуты.

Сей рыцарь столь же храбр, сколь и учтив (*courtois*), а в конечном счете если в человеке и ценилось что-то больше храбрости, то это, несомненно, учтивость, или куртуазность. Думаю, именно она обозначается вторым термином *paratge*, который переводился буквально как «род», что соотносится с семьей, где человек родился. В общем, это благородство происхождения. Но как же проявиться этой родовитости, если не в учтивости и изысканности манер? Простолудин способен быть храбрым, примеры того существуют. Однако он не умеет быть учтивым. На основе подобных рассуждений можно было бы заключить, что южное общество отличалось более строгой иерархией, чем общество Севера. Однако, похоже, дело обстояло как раз наоборот. Южная знать более урбанизирована, чем северная, или, если угодно, менее воинственна и имеет более «штатский» характер. В результате силой вещей она удаляется от жесткой феодальной иерархии. Здесь ум ценится наравне с отвагой. Ум редко достается по наследству, и рожденный в самых низах может высоко вознестись в силу своих личных заслуг. Пример тому — кое-кто из самых знаменитых трубадуров. Они стали первыми писателями, которые почитались их покровителями и жили возле знатнейших лиц.

⁶¹ Кретъен де Труа (XII в.) — северофранцузский поэт. Писал по мотивам цикла легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. «Персеваль» — один из его романов.

Если песни Гильома Аквитанского, самого первого из трубадуров, порой еще отличаются довольно грубыми шутками, то поэзия его преемников очень быстро меняет тон и наконец они становятся служителями чего-то вроде тонкого и изысканного культа, объект которого — женщина. Она прекрасна и слаба. Ее красота, которая, впрочем, является лишь внешним выражением умственного и духовного совершенства, вызывает почтительное преклонение; ее слабость нуждается в защите и должна быть компенсирована властью, которую великодушно признают за ней. Когда говорят, что она — идеальный образ, это значит, что она олицетворяет идеал. Ее красота — лишь видимый признак этого идеала. Если подобная красота будет принадлежать тому, кто ее лицезрит, это будет настоящим святотатством. Дама — это любовница (*maltresse*), но не в том грубом значении, которое обрело это слово в наше время, а в абсолютном смысле. Избравший ее становится ее «человеком» в феодальном смысле слова, ее вассалом. Она — сюзерен, имеющий право требовать все и от которого не ждут ничего взамен, находящийся в этом смысле в лучшем положении, чем настоящие сюзерены. Высочайшей наградой является улыбка, нежное пожатие руки, очень редко — поцелуй. Случается, что поклонник не получает ничего и красавица остается равнодушна к знакам почтения. Наши песни полны неизлечимых любовных страданий. Разумеется, не может быть и речи об утолении любви в форме брака. Как правило, Дама замужем, и именно это делает ее совершенно недостижимой, потому что у девушки можно было бы попытаться просить руки. Здесь же это невозможно, и когда Джауфре Рюдель⁶² влюбляется в далекую Даму лишь потому, что слышал о ее красоте и добродетели, то он просто доводит до логического конца теорию куртуазной любви. Конечно, дела не всегда идут в такой идеальной форме. Порой у мужей вызывает опасение подобная любовь, испытываемая к их женам, и они прогоняют вон дерзкого трубадура. Тогда трубадур поносит презренного ревнивца, прячется от него, скрывает имя любимой под вымышленным прозвищем. Нет ничего невероятного и в том, что в некоторых случаях любовь не оставалась платонической⁶³.

Но сколь бы многочисленны они ни были, это только исключения и пренебрежение правилами. Куртуазная любовь по природе целомудренна, и одно из ее самых бесспорных достоинств — она возбуждает желание лить для того, чтобы его тут же подавить. Владение собой, своими поступками, словами — один из признаков куртуазности. Дама должна возвышать своего поклонника над ним самим. Ее взгляд способен преображать то, на что он падает. Достаточно увидеть ее, чтобы почувствовать себя лучше. «Слуги любви» в конце концов создали почти тайное братство, и, возможно, их любовные стихи, порой крайне утонченные, выражают совершенно не то, что, как нам кажется, в них сказано.

Действительно, в искусстве *trobar*, то есть «находить, слагать стихи», есть много стилей, и один из них — *trobar dus*, «темная», «замкнутая» или «закрытая» поэзия, чрезвычайно утонченная и изысканная как по содержанию, так и по форме. Одним из мастеров «закрытой поэзии» был Арнаут Даниэль из Риберака в Перигоре, имя которого гремело с 1180 по 1210 годы, как раз перед великой бурей, которая опустошит Юг. Он был одним из украшений двора Раймона VI, а Данте испытывал к нему такое глубокое уважение, что в «Божественной Комедии», в двадцать шестой песне «Чистилища» вложил в его уста восемь стихов на языке «ок». Наши современники относятся к великому трубадуру с меньшим восторгом. Конечно, потому, что мы не в состоянии вновь оценить то, что было ценностями в средние века. На первое место, бесспорно, надо поместить виртуозность. Арнаут Даниэль поражал редкими и трудными рифмами, и некоторые из его поэм были хитроумными загадками. Думается, что Петрарка, не менее, чем Данте, ценивший Арнаута

⁶² Джауфре Рюдель (1124-1148) — знаменитый трубадур. Сеньор Блайи, участник второго крестового похода, погиб в Палестине.

⁶³ И даже наверняка. В доказательство приведу лишь знаменитый роман «Фламенка» (прим. авт.).

Даниэля и уделивший ему место в своих «Триумфах», возродил приемы трубадуров старины.

Итак, куртуазная поэзия заключала в себе целую этику, составляя также и науку; в ней нет никакой наивности или произвольности. В биографиях большей части трубадуров рассказывается, как они обучались своему искусству у мастеров. Однако какими бы просчитанными ни были их песни, лучшие из них воодушевлены особым опьянением или, скорее, энтузиазмом, свойственным молодости, только что наконец нашедшей предмет, достойный себя, и охваченной восхищением. Будто распахиваются двери, и мы можем бесконечно восторгаться открывшимися нам богатствами, как в рыцарских романах, где выбившийся из сил рыцарь после долгого скитания в ужасных пустынях без питья и еды внезапно оказывается во фруктовом саду Монбрена, подле прекрасной Брю-ниссанды. Трубадуры открыли красоту, искусство и бескорыстие, и они беспрестанно испытывают и совершенствуют инструмент, позволивший им это сделать. Это жонглеры в средневековом и современном смысле слова, сами приходящие в восторг от собственных фокусов.

РОМАНСКОЕ ИСКУССТВО ЮГА

На Юге воскресла и мечтательная душа, которой наделяют древних кельтов. Его искусство нам кажется одновременно наивным и утонченным. Оно привлекает изящными чертами и сложными оборотами, но все это для того, чтобы выразить мечту, ставшую позднее мечтой всего западного рыцарства вплоть до безрассудств Дон-Кихота. Можно было бы сказать, что при всех красотах их края им его недостаточно и они думают о иной земле, то ли заморской, как Раймон IV, так никогда и не возвратившийся из Святой земли и не желавший оттуда возвращаться, как и многие другие, то ли о той, что находится по ту сторону видимого и реального Прекрасная Дама сулит то, чем она не является, предвещает некую большую красоту, толкает на приключения, которые приводят в иной мир Многие трубадуры станут монахами, и не только Фолькет Марсельский, так ценимый Данте и не им одним. Другие, несомненно, придут к религии иным образом, как Пейре Карденаль, весьма смахивавший на катара ⁶⁴. Когда-то они научились у святого Бернара воспевать Деву Марию, Госпожу Владычицу, высшую Госпожу. Главное же и самое оригинальное достижение поэтов земли языка «ок»: они показали, что за пределами земли существует иной мир, преисполненный очарования и чудес, мир, на который она с трудом силится походить.

Конечно, было бы ошибочным полагать, что окситанская лирика в точности передает истинное состояние нравов. Но она точно выражает стремление, порыв к неземному, воплощенный и в другом материале и форме, бесспорно, более приемлемых для нас — в романской архитектуре и скульптуре Юга. Трудно сказать, где именно родилось романское искусство и как оно постепенно освободилось от каролингских традиций. Одно, во всяком случае, не подлежит сомнению — наивысшего развития оно достигло в южной части Франции, в соприкосновении с Испанией эпохи Реконкисты, на пути к монастырю Сантьяго. На Юге нет города, который бы не был этапом этого грандиозного паломничества, в которое отправляются со всех концов христианского мира.

В любом случае, идут ли люди из Северной Франции, Англии, Германии, Италии или еще более отдаленных мест, паломники направляются к Компостелле по дорогам земли языка «ок». Здесь они останавливаются в клюнийских монастырях, прежде всего в Сент-Фуа (монастыре святой Веры) в Конке в глубине Руэрга — это не только перевалочный пункт по дороге из северных земель в Компостеллу, но и старейший центр паломничества; далее — тулузский Сен-Сернен и, наконец, Сантьяго. Не будем касаться монастыря Сантьяго, который столько раз переделывали, портили, улучшали. Но Сент-Фуа и Сен-Сернен — два

⁶⁴ Уверенности в этом нет, но религиозный характер многих песен Пейре Карденала не вызывает сомнений (прим. авт.)

брата-близнеца. Трудно, да и бессмысленно задаваться вопросом, какой из них был возведен первым. Они рождены одним и тем же замыслом, сдержанным и великолепным. Здесь мы воистину — не скажу что у колыбели романского искусства (у него множество иных бесспорных истоков) — но почти сразу же на одной из его вершин.

Не менее удивительным феноменом Юга быию и то, что религиозное искусство расцвело в крае, который несколько десятилетий спустя станет угрозой для единства христианского мира. Хотя, возможно, в этом и заключается определенная диалектика. Как катары смирились с пластическим искусством — они, страшившиеся телесного и видимых форм? Ведь и раньше, и даже во времена распространения по стране катаризма там еще работали скульпторы Муассака, Сен-Жермена в Тулузе, Сен-Жиля и Сен-Трофима. Все было так же, как позднее при Савонароле ⁶⁵, свирепствовавшем в языческой Флоренции эпохи Кватроченто, как при Лютере и Кальвине в Европе эпохи Ренессанса. Впрочем, речь здесь идет вовсе не о Ренессансе, и нет ничего ошибочнее, чем искать в скульптурных или поэтических творениях Юга античные истоки. Конечно, там было много, гораздо больше, чем сегодня, памятников, напоминавших о минувшем расцвете галло-римских городов; но, видимо, их совсем не замечали — не больше, чем Данте, который двумя столетиями позднее не замечал античных монументов Рима, слава которого тем не менее увлекала его ум и воображение. Великие созидательные эпохи слепы ко всему, что не совпадает с их собственными устремлениями.

Представления романских скульпторов Юга были совершенно иными, нежели представления вырождающегося классицизма, холодного и бездушного академизма, характерного для собственно галло-римских произведений. Их задачей не было сколь возможно верное воспроизведение действительности, идеализированной в соответствии с определенными эстетическими канонами. Ведь под поверхностным глянцем римского классицизма уцелела другая традиция — традиция галльских скульпторов. Она укрепилась в период, называемый обычно упадком. Скульпторы этой эпохи при кажущейся неумелости вновь обретают вдохновение великих мастеров Кейяве и Нина близ Лектура. Христианство взяло на себя нечто вроде покровительства этому вдохновению, пришедшему извне, а начавшиеся позднее варварские вторжения лишь утвердили и закрепили эту тенденцию, вернув ей плетеные и геометрические узоры, которые всегда были свойственны искусству континентальной Европы в противоположность искусству Средиземноморья.

Здесь при создании форм стремятся не к красоте как таковой и не к более или менее точному воспроизведению идеализированной действительности, а к экспрессии, осмысленности и декоративности. Обратимся, например, к статуе святой Веры на престоле в сокровищнице Конка, датированной 985 годом, то есть периодом, когда новое художественное сознание вот-вот пробудится. Это еще не романское искусство, и ничто не демонстрирует лучше широту и глубину пропасти, отделяющей нас от него, чем сопоставление этой святой Веры, еще целиком каролингской, с Христом-су-дией на тимпане ИЗО года. Идет ли речь о декоративных складках его платья, его вознесенной правой руке, согнутой под прямым углом, или его лице — перед нами нечто очень древнее и одновременно полностью новое. Черты этого лица отнюдь не скрывают внутреннюю пустоту, напротив, они выразительны, и это выражение возникло на лице только что. Итак, об этом искусстве, декоративном и экспрессивном одновременно, можно сказать, что оно пользуется формой лишь для того, чтобы выйти за ее пределы, извлечь из нее смысл. И противоречие с катарским ригоризмом здесь, может быть, скорее кажущееся, нежели реальное. Муассак немного старше Конка. Скульптура датируется 1110-1120 гг., тем же временем, что и собранные в музее Августинцев в Тулузе изваяния из ныне не существующих построек. Посмотрите, к примеру, на святого Петра и Исаяю с портала

⁶⁵ Савонарола (1452-1498) — монах-доминиканец, настоятель монастыря св. Марка во Флоренции. Выступил за реформу католической церкви, руководил восстанием прогив Медичи в 1494 г. Был обвинен в ереси и казнен.

церкви в Муассаке. Разве не очевидно, что действительность здесь пронизана чем-то иным, единственно важным? Эти статуи должны играть прежде всего архитектурную роль. Они подобны затейливым и точным волютам, поднимающимся вдоль опорных столбов, заменяя геометрический или растительный орнамент. Но их причудливые и патетические позы преисполнены также и смысла, заключенного именно в том, какое место они занимают в архитектурном ансамбле. Ведь сама архитектура — и это относится также к Сен-Сер-нуну и к Конку — вся исполнена церковной символики. Но нет ничего более волнующего, чем вид распускающегося в качестве ее вершины цветка человеческого лица. Вот что значат, в частности, старцы Апокалипсиса на тимпане Муассака. Задача в том, чтобы при помощи материи выразить в лицах еще от мира сего действительность, ему более не присущую. Разве нельзя сказать о подобной скульптуре, что она выражает невыразимое, то есть реальность преобразования?

Здесь мы далеки от эстетического материализма греко-римского искусства. Можно сказать, что для этих художников действительность, доступная нашим чувствам, являлась лишь тонкой пленкой, которую следовало сделать прозрачной. Через низменные тела проступают тела во славе, те сонмы блаженных, которые займут такое важное место в катарской доктрине. Мне кажется, что все это — с одной стороны, пластическое искусство, а с другой стороны, искусство лирическое, о котором я уже говорил, и рыцарские романы, особенно циклы Круглого стола, Грааля ⁶⁶, — свидетельствует об одном и том же. В то самое время, когда внешнее принуждение слабеет и можно бы, наконец, начать жить, в то самое время, когда оживают дороги и формируется бюргерство, когда урожаи становятся обильнее, душами овладела какая-то тоска.

Личность, подобная Раймону IV, который отбыл в Святую землю со столькими рыцарями и решил оттуда никогда не возвращаться, великолепно воплощает это всеобщее стремление. Он был самым богатым, самым могущественным из сеньоров, принявших крест, и однако же ничто в мире не смогло его удержать. Было ли это религиозным пылом или жадной жаждой приключений, восточным миражем? Как знать? Весьма вероятно, что граф Тулузский и сам не знал этого и в нем брало верх то одно чувство, то другое. Впрочем, они не противоречили друг другу и не были взаимоисключающими. Но, несомненно, он не пожелал больше вернуться в Тулузу, слишком, на его взгляд, безыскусную. Он шел открывать диковины, начиная со Святого копья, чудесным образом найденного одним из его людей и спасшего Антиохию и крестовый поход ⁶⁷. Его расчетливый политический ум часто противопоставляют чистосердечной вере Готфрида Бульонского. На самом же деле оба они по отношению друг к другу — это Франция Северная и Франция Южная.

ФРАНЦИЯ СЕВЕРНАЯ И ФРАНЦИЯ ЮЖНАЯ

Конечно, язык был не один и тот же; бесспорно, и культурный уровень был также неодинаков. И тем не менее нельзя сказать, что это были две полностью противоположных

⁶⁶ Грааль (от лат. *gradahs, gradalus* — чаша) — по преданию, чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа во время распятия, либо чаша, из которой Христос причащал апостолов на Тайной вечере. В средневековой Европе несколько потиров называлось «Граалями». Существовало также поверье, что Грааль хранится где-то в Азии и охраняется рыцарями ордена Храма, организованного по типу рыцарско-монашеских орденов. Был и роман из цикла Круглого стола под таким названием, не сохранившийся полностью, но дошедший до нас в отрывках. Большой популярностью пользовалось написанное на ту же тему произведение Готье Мапа, капеллана Генриха II Французского, и другие обработки сюжета, в частности, вариант Креть-ена де Труа.

⁶⁷ Копье, которым якобы был убит Иисус Христос, было чудесно обретено провансальским клириком Петром в церкви св. Петра во время осады турками захваченной крестоносцами Антиохии. Это так воодушевило рыцарей, что они успешно отбили все атаки, разгромили врага и вскоре выступили на Иерусалим. Хранение святыни было поручено Раймону IV.

культуры. Говоря, например, о шедеврах романского искусства, мы тут же вспоминаем Юг Франции; но с тем же успехом рядом со святой Верой из Конка мы бы смогли представить покрытую золотом статую Мадонны из Эссенского музея в Вестфалии, датированную началом XI века, а рядом с тимпаном Муассака — голову базельского архангела, находящуюся в музее Клюни, или же Деву Марию епископа Имада из епархиального музея Падер-борна, или Успение из Везле. И тогда нам стало бы ясно, что при всех местных различиях романское искусство было единым во всех концах христианского мира. Так же труверы походили на трубадуров, и романы Кретьена де Труа на шампанском диалекте напоминали роман «Джауфре» на диалекте окситанском.

Конечно, есть различия; но порыв, дыхание, оживляющие эти произведения, в сущности, одинаковы. Скорее напрашивался следующий вопрос: где быть центру христианской культуры — на Севере, между Сеной и Рейном, или все-таки на Юге, между Гаронной и Роной? Какой город, Тулуза или Париж, станет городом учености, кур-туаэности и могущества? Французский «ойль» или французский «ок» будет первым разговорным языком? За этим скрытым соперничеством, толком и не осознаваемым людьми XII века, кроется другое — зародыш раздробления христианского мира на нации, возможность победы мирян над клириками.

Вплоть до конца XII века Север и Юг Франции соприкасаются относительно мало. Они ориентированы в разные и даже прямо противоположные стороны. Париж смотрит на север, на Фландрию, которой французским королям так никогда и не удастся завладеть, хотя она — королевский фьеф, с тем же статусом, что и графство Тулузское. Именно на Ла-Манше Капетинги впервые выходят к морю, хотя их и отделяет от него принадлежащая англичанам Нормандия. Нормандия, вместе с Шампанью, — ближайшая соседняя провинция. Горизонт Капетингов ограничен как раз Центральным массивом. Филипп Август (1180-1223) еще всецело поглощен соперничеством с Плантагене-том, которое порой осложняется, как во времена Бувина (1214 г.), предательством северных сеньоров и вмешательством императора⁶⁸. Но вплоть до Альбигойских войн французский Юг интересуется эту политику не более, чем Германия, Италия или Испания. Самое большее, чем он привлекает, — выходом к морю через государства Луары и Пуату, но для начала их надо вырвать у Плантагенетов. Что же касается пути по верховьям Сены, Соне и Роне, то его преграждала масса препятствий и, в первую очередь/ графство Шампанское. Время, когда политика Капетингов станет перекраивать христианский мир, еще не наступило.

Но Капетинги — превосходные администраторы и в своих трудах будут получать мощную поддержку со стороны церкви, в конечном счете являющейся наследницей римской администрации. В середине XI века именно аббат Сен-Дени, знаменитый Сугерий⁶⁹, в течение многих лет станет выполнять функции первого министра, причем безо всякого антагонизма между обеими властями. Еще намного раньше, в 987 году, архиепископ Реймский Адальберон и его секретарь Герберт, будущий папа Сильвестр II, окончательно закрепили победу Капетингов над последними Каро-лингами. Какие бы отклонения ни возникали в поведении их отдельных представителей, Капетинги принадлежат церкви, и именно коронация в Реймсе сообщает их власти сакральный, почти церковный характер. Вот почему по сравнению со своими анжуйскими соперниками, Плантагенета-ми, они кажутся настоящими королями правосудия и мира.

Совсем другое дело — южная квазимонархия Раймондинов. Единственное, что роднит их с Капетингами, — это непосредственное соседство с Плантагенетами. Но оно еще

⁶⁸ В битве при Бувине (27 июля 1214 г.) Филипп II Август разбил коалицию во главе с императором Отгоном IV (Иоанн Безземельный, граф Фландрский и др.), чем закрепил за собой Нормандию и Анжу, раньше принадлежавшие Плантагенетам.

⁶⁹ Сугерий (1081-1151) — с 1122 г. канцлер Людовика VI и Людовика VII, регент во время второго крестового похода. Автор ряда исторических сочинений.

больше отдаляет обе державы, поскольку соперничество двух корон на руку графу Тулузскому, укрепляющему свою независимость и распространяющему притязания на другие земли. Ему не нужны ни Бордо, ни Пуатье, однако он тоже не прочь выйти к морю, только не к Бискайскому заливу. Он стремится к Средиземному морю, а для этого ему нужны фьеф Транкавель и арагонские владения. С кем он постоянно не ладит, так это с графом Прованским. Арагон, Прованс, виконтство Каркассонское и Безье для него то же, что для его далекого суверена Шампань, Нормандия и Фландрия. Но при этом по организации управления Тулузское государство сильно отстает от государства Капетингов. Причин тому довольно много, но одна из основных заключается в совершенно ином, нежели на Севере, положении южной церкви.

Теоретически различий нет. Север и Юг — христианские земли, такие же, как и вся христианская Европа, и церковь пользуется там массой иммунитетов и привилегий, являясь самым крупным земельным собственником. Но ее духовное и интеллектуальное влияние на Юге намного слабее. Как в Германии и Италии, здесь она гораздо сильнее интегрирована в феодальную систему. Не то чтобы эта система была на Юге прочнее, скорее наоборот. Но Северная Франция надолго станет для Европы непревзойденной моделью согласия между двумя властями, одинаково поглощенными общими интересами и действующими сообща против царившей анархии. Всякая победа церкви здесь становится победой короля и наоборот. Напротив, в странах Юга разделение обеих властей намного сильнее, что, впрочем, не делает церковь более независимой.

К примеру, церковные советники никогда и близко не занимали подле графов Тулузских места, подобного тому, которое им принадлежало у Капетингов. Грегорианская реформа имела на Юге весьма ограниченный эффект. Иными словами, в этой части христианского мира церковь если и не беднее, чем где-либо еще, то все-таки не так могущественна. В то время как к северу от Луары XII век становится временем глубоких теологических умпостроений, когда блистают имена святого Бернара и Гуго Сен-Викторского⁷⁰, ничего подобно-го не происходит на Юге, не давшем церкви ни одного теолога. Епископы и аббаты довольствуются тем, что управляют, скорее дурно, нежели хорошо, своими огромными владениями. Они ведут мирской образ жизни, проводя время в празднествах и удовольствиях. Если их бенефиции формально и остаются выборными и монахи избирают своих аббатов, а каноники — епископов, то на деле светские сеньоры беспардонно вмешиваются, навязывая силой или подкупом своих кандидатов. Симония, с которой так ожесточенно сражался Григорий VII, царит здесь повсюду. Разные сословия смешиваются. Мы видим, что феодальные престолы и церковные кафедры занимают представители одной и той же семьи. И сеньоры, и прелаты живут одинаково легко, не заботясь о простейших нормах морали. Но то, что простительно мирянину, возмутительно для церковника. Блага, которыми они пользуются, — это доля Бога, достояние мертвых, помощь бедным. Прелаты же цинично нарушают взятые на себя перед Богом и людьми обязательства. Какие же из них советники? Их повсеместно презирают и в конечном счете вместе с ними начинают презирать и то, что они столь недостойно представляют.

Так получается, что идеал, предлагаемый южному обществу трубадурами, мастерами веселой учености (*gai saber*), — идеал целиком мирской, в отличие от того, что существует на Севере. Так возникает тонкое различие, которое не стало бы явным, не подчеркни его альбигойская драма. Правда, народные движения против церкви происходили не только на Юге. Даже на Севере мы видим, как с XI века восставшие крестьяне обвиняют все церковное сословие и утверждают, что спастись можно и без церковных таинств, что человек не нуждается ни в каком посреднике, дабы прямо договориться с Богом. Они избличают

⁷⁰ Бернар Клервоский (1091-1153) родился в Дижоне, постригся в Сито, впоследствии аббат в Клерво. Проповедовал второй крестовый поход, был миссионером среди альбигойцев. Гуго (1097-1114) — настоятель аббатства Сен-Виктор в Париже, знаменитый богослов.

заинтересованность священников в обмане, противопоставляя богатство прелатов евангельской бедности.

Именно на эту настоятельную потребность в очищении, распространившуюся во всем христианском мире, должна была стать ответом грегорианская реформа. Столь незаурядный папа, как Григорий VII (1073-1085), хочет вырвать церковь из феодальной системы; с отчаянной энергией он повсюду борется с симонией и дурными нравами духовенства; он опирается даже на народные движения, которые были скорее антиклерикальными, чем антихристианскими. Так он выковывает духовную основу христианства, что сделает его позже способным организовать против ислама такую коллективную акцию, как крестовый поход. Из долгой борьбы за инвеституру папство вышло усилившимся, а церковь — очищенной, но сама эта победа таила в себе опасность, которой не избежит Иннокентий III (1198-1216).

Стало возможным, правда, не без труда, ужесточить процедуру выборов епископов и аббатов; тем самым удалось сделать их, с одной стороны, более независимыми от светских суверенов и более зависимыми — от Святого престола. Но с тех пор, как церковь обладает собственной властью, которую может использовать по своей воле, она только приумножает свою мирскую ответственность. Отныне именно она возлагает на себя ответственность за судьбы христианства. И если теперь прелаты более строго соблюдают дисциплину, зато попадают в западню жажды власти, отнюдь не менее разлагающей, чем даже симония, грандиозным выражением чего явился крестовый поход. Менее, чем когда-либо, церковь являет собой чисто духовное сообщество, ибо стремится отправлять функции обеих властей и равно разить обоими мечами.

ХРИСТИАНСКИЙ МИР И НАРОДЫ

Однако, прежде чем ее осуждать, важно вникнуть в эту полуреализованную мечту — средневековый христианский мир. О нем говорили как о мирском отражении церкви. Теоретически заботу о его наставлении разделяют папа и император: папа — как старший брат, берущий на себя самые высокие функции и смещаемый одним Богом; император — брат младший, получающий миропомазание от старшего и обязанный ему глубоким почтением, но формально независимый в делах мирских, хотя и почитающий религиозные и нравственные нормы, судьей которых в последней инстанции является папа. Но, даже если бы положение императора не было приниженным, игра между ним и папой все равно бы велась не на равных. В самом деле, императорскую власть признают далеко не повсюду. Французский король считает себя императором в своем королевстве, его титул — король милостью Божьей, равно как и у прочих королей. Практически император во всей полноте своего могущества властвует лишь над Центральной Европой от Северного моря до Сицилии.

Потому если христианский мир и является мирским воплощением церкви, то у него, как и у самой церкви, только одна глава — папа. Единственная слабость этой главы в том, что он сам полностью безоружен, и самым трудным для него является поддержание порядка в собственном государстве. Римские сеньоры оказывают ему прямое сопротивление и возводят в Вечном городе гордые феодальные башни. Это не относится к римскому народу, которого папа не боится, как бы слабо ни был от него защищен. Но в то же время в силу своей духовной власти он правит всем христианским миром. Папа возводит и низлагает королей, он смещает императоров, и никто не может воспротивиться ему без смертельного риска, ибо в его руках ключи, отворяющие и закрывающие врата рая.

И впрямь, христианский мир — это мир, в котором все люди разделяют одну и ту же веру. Она естественна для них, как солнечный свет или носящая их земля. Подвергать ее сомнению было безумием, и не только потому, что это могло стоить очень дорого, но и потому, что это совершенно нелепо, убедительных доказательств чего более чем достаточно. Религиозные чудеса поражают христианина не больше, чем нас сейчас чудеса науки.

Некоторые даже не задерживаются, чтобы удостовериться в чуде. Они верят, не видя, потому что авторитет, убеждающий их в реальности чуда, является единственным интеллектуальным авторитетом, перед которым склоняются все. В христианском мире нет иной науки, кроме церковной. Конечно, евреи в своих гетто владеют другой наукой, но она слишком подозрительна и из-за непонятных канонов сродни проклятым наукам колдунов и некромантов. Могушеству Бога, которому почти равно могущество церкви, противопоставлено могущество демона, которым, разумеется, пренебрегать нельзя, но которое в конечном счете уступает высшей власти.

Неудивительно, что могущество церкви крепло вдвойне, но на Юге ей не удалось восторжествовать окончательно. Конечно, Юг, как и все прочие земли, является составной частью христианского мира; но христианство здесь в особом положении, поскольку у местной церкви меньше престижа, чем где бы то ни было. Несомненно, Раймон IV и даже Раймон V были государями благочестивыми, заботившимися о поддержании в своей земле ортодоксальной веры; однако их подданные — люди свободомыслящие, вникающие буквально во все до конца. Они ищут нечто вроде мирового совершенства и одержимы собственными идеями; им нравится оспаривать все истины, даже самые незыблемые. Их более тесное знакомство с исламом, который организован приблизительно так же, как христианство, наводит их на мысль, что другие люди, такие же ученые и цивилизованные, как и они, верят в иную истину. Ибо одна из самых замечательных реалий средневековья состоит в том, что нет ничего более похожего на христианство, чем его смертельный враг, дер-эль-ислам — такая же община, подвижная и разноликая, объединяющая людей лишь по их принадлежности к одной и той же вере.

Следует ли отсюда, что Юг не был христианским? Конечно, был; но он был им несколько по-иному. В доказательство сошлемся на то, что мы совершенно не видим там народных религиозных движений, в то время как Север дает нам массу подобного рода примеров. И крестовый поход бедноты «с Петром Пустынником и Готье Неимушим во главе, и детский крестовый поход, и проповедь знаменитого Фулька из Нейи рождаются не на Юге ⁷¹. Именно в своей вере с ее наивностью и глубиной черпали северные крестьяне силу и отвагу для восстания против церкви, нарушающей свои обязанности. Когда подобные движения начнутся на Юге, станет ясно, что они — следствие движений на Севере, но их характер несколько иной. В целом южная церковь имела тот же облик, что и народ. Бесстыдные архиепископы Нарбонна и прочих городов относились к религии, пастырями которой были, без особого усердия, как и их паства. Они мало требовали от людей и многое им позволяли, больше заботясь о яростной защите своих прав и привилегий, чем о проповеди Евангелия. Они активнее занимались каноническим правом, чем теологией. Разумеется, в некоторых монастырях жизнь текла по церковным правилам, особенно в тех, которые, подобно Фонфруаду, входили в цистерцианский орден. Возможно, там даже были свои великие неизвестные мистики, во всяком случае, мы знаем, что именно из Лораге, из Мас-Сент-Пюэль вышел святой Петр Ноласко ⁷², родившийся в начале XIII в. и посвятивший свою жизнь освобождению христианских пленников на исламской земле.

Если требуется доказательство религиозности Юга, то разве мало столь яркого свидетельства, как восхитительная романская скульптура, о которой мы уже говорили? Однако сама эта религиозность имела тут особые оттенки. Здесь, как и повсюду, но раньше и активнее, чем где бы то ни было, зарождается нечто вроде самобытной культуры в недрах культуры общей. Это выражается в использовании во всех классах общества мирского

⁷¹ Детский крестовый поход состоялся в 1212 г. Во главе движения стояли монах Николай и пастух Стефан. Дети, добравшиеся до Венеции, были проданы в рабство в Египет.

⁷² Петр Ноласко, св. (1189-1256), участвовал в походе Симона де Монфора против альбигойцев, потом был воспитателем Хайме Арагонского. В 1218 г. создал в Барселоне орден Милосердия, задачей которого было освобождение христиан из мусульманского плена. Канонизирован в 1655 г.

диалекта, который оспаривает у церковной латыни некую универсальность, но на ином уровне. Уже само рождение и распространение разговорных языков становится одним из явлений, пока еще смутно угрожающих христианству. И впрямь, обширное христианское сообщество объединено не только общностью веры, но и ученым языком клира, понятным всем образованным людям разных концов Европы. Но это сообщество существует и в разнообразии языков, в целом положивших начало будущим нациям, еще не осознавших себя таковыми. В Франции два языка: язык «ойль» и язык «ок», и это — препятствие для будущего единства, препятствие, которое следует разрушить, сначала силой, потом длительной привычкой.

Нельзя сказать, как это зачастую и с легкостью делается, будто на Юге и в самом деле существовала уникальная культура, черты которой радикально отличались от культуры прочих областей христианского мира. Если, например, романское искусство достигло на Юге особого расцвета, то южный роман существенно не отличался от романа Бургундии или Оверни, двух краев, принявших активное участие в Альбигойском крестовом походе. Если лирическая поэзия на языке «ок» развилась первой, прославившись повсюду своими достоинствами, то это не значит, что подобные достоинства были неизвестны или недооценивались привилегированными классами других частей христианского мира. Кретъен де Труа и Вольфрам фон Эшенбах⁷³, уже не говоря о многих других, воплощают в облике совершенного рыцаря приблизительно ту же идею, что и наши трубадуры. Поскольку в средние века нет еще наций, то не может быть и настоящего многообразия культур. В 1209 г., уже в разгар крестового похода, Север и Юг, какими бы ни были губительные противоречия, противопоставившие их в эту эпоху друг другу, еще не являются двумя соперничающими культурами, подобно Франции и Германии в 1914 г., какие бы опасные иллюзии они ни питали в то время. В некоей всеобщей культуре акценты все же расставлены иначе. Своеобразие Юга бесспорно, и оно блестяще выразится в катаризме, занявшем здесь особое место.

Южная культура — культура главным образом светская, в то время как культура Севера — еще почти полностью церковная. Городская жизнь с ее новым торговым и ремесленным бюргерством гораздо более развита на Юге, чем на феодальном и землевладельческом Севере. Если северный клир в общем намного выше южного, то население Севера Франции много ближе к варварскому состоянию. В глазах среднего южанина крестовый поход был настоящим варварским нашествием. Именно поэтому современные историки часто видели в конфликте, противопоставившем обе части Франции, столкновение между цивилизацией и варварством. На самом же деле в недрах общей культуры мир церковный и феодальный противостоял другому — миру городской среды с преобладанием светских и народных ценностей. То, что мы наблюдаем на тулузском Юге — это не столько своеобразная культура, сколько рождение народа.

Такова среда, в которой зародился катаризм.

Глава II КАТАРЫ

АНТИКЛЕРИКАЛЬНОСТЬ И КАТАРИЗМ

Мы уже говорили, хотя и не слишком акцентировали это, что вся история средних веков, особенно с XI в., полна народными движениями, носившими сначала религиозный

⁷³ Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170-1220) — рыцарь, миннезингер, писал на немецком языке. Сохранились три рыцарских романа, в т. ч. «Персеваль», и три стихотворения в провансальском жанре альбы, утренней песни, которой оруженосец будит рыцаря, ночующего у своей возлюбленной.

характер. Крестьяне и беднота следуют за Таншельмом, Эоном Летуальским или Генрихом Лозанским ⁷⁴ во имя чистой евангельской доктрины, которую бедные проповедуют бедным. Она не имеет ничего общего с богатством и могуществом прелатов, выставленными напоказ. Повсюду официальная церковь поддерживает сложившийся порядок — даже тогда, когда он в высшей степени несправедлив. Требование низов всегда одно и то же — посредники между Богом и человеком не нужны. Церковная иерархия с ее ритуалами и таинствами — не что иное, как грандиозный обман с целью отобрать исключительно в свою пользу то, что должно принадлежать всем. Форма может быть более или менее радикальной, но суть всегда одна и та же. Тщетно пытается церковь самореформироваться. В ее структуре присутствует нечто, что делает ее неспособной в полной мере отвечать этим чаяниям. Она не только власть среди властей, она — сама Власть в своем наивысшем и всеобъемлющем выражении. В конце XII в. она не допустит ни перевода Писания лионскими бедняками на народный язык, что сделало бы его общедоступным, ни проповедей мирян, не имеющих на это церковных полномочий. Позднее лионцев стали именовать вальденсами по имени их основоположника Пьера Вальдо, богатого купца, кое в чем напоминающего святого Франциска Ассизского. Первейшая добродетель, которой церковь требует от верующих, — повинование. Она пользуется и злоупотребляет знаменитым отрывком из Первого послания святого Петра, советующего повиноваться господам, даже дурным.

Однако мы видели, что если подобные движения и коснулись Юга, то зарождались они совсем не там и не там достигли наибольшего размаха, и, несомненно, оттого, что на Юге было меньше нищеты. Зато именно здесь катаризм укоренился глубже всего. Конечно, катары воспользовались всеобщими нападками на римскую церковь, которую они считали церковью дьявола или Антихриста. Но ведь подобные нападки — обычное дело в средние века, это мнение разделяют до некоторой степени даже самые ортодоксальные умы. К примеру, известны неистовые обличения Данте в начале XIV в. В памфлете против симонии он доходит до того, что пишет: «Это о вас, пастыри, писал Евангелист, провидя, как „та, что сидит на водах, блудила с царями“» (ср. Ап. 17:1-18). Но, порицая дурных прелатов, Данте чтит саму церковь, и, воскрешая в памяти инцидент в Ананьи с пощечиной его смертельному врагу Бонифацию VIII ⁷⁵, он без колебаний пишет: «Я увидел в своем викарии плененного Христа».

Катары, напротив, отказывают римской церкви во всякой легитимности. Дурные нравы прелатов лишь следствие пороков, но не источник их. По их словам, церковь свернула с праведного пути еще со времени папы Сильвестра, правившего в начале IV в., свернула на следующий день после Миланского эдикта (313 г.), радикально изменившего ее положение и превратившего ее из церкви гонимой в церковь официальную. К этой эпохе относит появление пороков церкви и Данте, но у него речь идет только о пороках нравственных, в то время как катары, претендующие на соответствие первым христианам, особо настаивают на отклонении от доктрины. Потому катаризм ни в коем случае нельзя смешивать с антиклерикальными движениями, периодически потрясавшими средневековый христианский мир.

Собственно говоря, он и не был народным стихийным движением, подобно только что рассмотренным нами. Катаризм даже в большей степени охватил клириков, я имею в виду —

⁷⁴ Таншельм Фландрский (ум 1115) возглавлял широкое еретическое движение, прекратившееся, однако, с его смертью Эон Пе-гуальский (ум 1148) — бретонский фанатик, называвший себя предтечей того, кто «идет судить живых и мертвых», т е второго пришествия Иисуса Христа Генрих Лозаннский (ум 1149) отрицал таинство крещения, мессу и причастие

⁷⁵ Бонифаций VIII (Сильвестр Бенедикт Гаэтано) — папа римский в 1294-1303 гг., родственник Иннокентия III. Противодействовал Филиппу IV Красивому, хотевшему подчинить церковь во Франции королю, в 1303 г. отлучил его от церкви. В ответ король отправил своего легиста Ногаре в Италию арестовать Бонифация, что тот и сделал. Папа был вскоре освобожден возмущенными жителями Ананьи, но не пережил оскорбления и умер.

людей образованных, чем мирян. В качестве доказательства отмечу лишь его первое появление на Западе. Это было в Орлеане, одном из двух крупных городов капетингского домена, в самом начале XI в., в правление Роберта Благочестивого ⁷⁶тп Благочестивый (ум. 1031) — сын Гуго Капета, второй король новой династии с 996 г.